

ЭЛЬЧИН ГУСЕЙНБЕЙЛИ

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

ПЕТУШОК, ПЕТУШОК, БЕЛЕНЬКИЙ ГРЕБЕШОК...

Сюжет с прицелом на сценку

Персонажи:

Хозяин

Хозяйка

Посторонний

Сам Петух

Много чего, бывает, осточертеет в жизни. Но есть вещи, которые досаждают постоянно, даже ежедневно. Например, сливание воды в унитаз или вынесение мусора из дому. Эти опостылевшие ритуалы меня тяготят повседневно. Знаете, обидно как-то, что результаты заработанного в поте лица таким Макаром превращаются в отходы, в ничто. По сути, этот пример с унитазом имеет мало какое касательство к моему нынешнему повествованию, может, и вовсе не касается. Но есть ведь такие бедолаги, которые именно из-за унитаза кончают самоубийством. Знаете, почему? Из нежелания кончить таким финалом... Это отчаянное чувство присуще и нам, человекам, и братьям нашим меньшим.

Наверное, вы видели печальные случаи, когда иные горемыки вешаются или бросаются под поезд из-за собачьей жизни, а если и не видели, то читали и, возможно, не брали в голову. Герой моего рассказа также входит в группу суицидных; персонажи не выдуманы; они по ночам спокойно дрыхнут у себя под крышей, а днем под божьим небом исполняют эти противнейшие дела, но не признаются в них. Потому что они не такие олухи, как я.

Перейдем к сути разговора.

Да, скажу еще об одном, а то сердце разорвется, не прощу себе, если не скажу, что эти заметки пишу сидя на унитазе, как англичане, загодя спустив воду из бачка, потом досада сменяется ощущением суровой реальности...

Итак, слово персонажам.

Владелец петуха: Я увидел его издали. Белый гребешок обвис над глазом. Клювище – орлиный. Глазами зыркает, головку вертит. Вроде, кого-то ждал. Среди своих сородичей ходит-хорохорится. та, которую он ждал, не появлялась, и он досаду вымещал на сородичах, каждому врезая по подзатыльнику.

Я стою в базарном муравейнике, гляжу на него. Взгляды наши на миг скрестились. Глазеем друг на друга.

Я подошел. Он капризно и жеманно повернулся задом ко мне. Я хотел было дать пинка. Самцы не жалуют друг друга. Чуют, чем дышит однополый супостат.

– Почему? – спросил я у хозяина.

Продавец: «Блондина имеешь в виду?»

Я кивнул.

– Не продается.

Я удивленно уставился на него.

– Если покупаешь для боя – не годится. – И уткнулся в газетный кроссворд, продолжая напрягать извилины.

Признаться, я заподозрил в нем неладное.

– Жена велела... покупаю для обеспечения приплода...

Он смотрел в кроссворд:

– «Просторечное название гомосексуалиста».

– П...

– Нет, здесь пять букв.

– Петух! – воскликнул я.

– Точно! – обрадовался он, заполняя клетки. – «Главный герой фильма «Лион»? – Торговец, не поднимая головы, стал задумчиво грызть «кобчик» карандаша.

– Ван Дамм, – попытался я помочь.

– Нет, здесь четыре буквы.

– «Рено!»

Он радостно вписал.

– Что ж вы маринуете его? – продолжил я тему.

– Так просто. Чтоб людей привлекать.

– Реклама – двигатель торговли.

– Да уж, да хранит их Аллах, научили и нас.

И он почесал затылок, затем – зад.

– Ну, а если все же продашь – сколько возьмешь?

Он перестал чесаться.

– Минимум – пятьдесят тыщ, – со вкусом выдал он. И, отставив газету, воззрился в меня. Вернее, оценивающе ошупал меня с ног до головы, как шлюха из бара.

Отступать было некуда. Речь шла о моем покупательском достоинстве.

Слово сказано, ставка сделана.

Потому я извлек пятидесятитысячную купюру из кармана и с тем же шиком протянул ему. Он отпер клетушку, ухватил петуха за крылья, связал ему ноги и, запихнув в торбу, вручил мне. Я уловил в его глазах тень сожаления и вспомнил фильм «Кавказская пленница».

Петух (далее – Блондин) и не пикнул. Я взял покупку и, размахивая торбой, пришел домой. Развязав ножки Петуху, выпустил во двор.

Жена подкузьмила:

– Мало было петухов у нас, еще один приперся.

Но не утаила восхищения нарядностью пернатого.

– Хорош!

И я даже приревновал ее к Петуху.

Он был действительно красив. Долго глядел Блондин на мою половину, повел бровью-глазом. С того дня между женой и Блондином возникла странная конфиденциальная связь. Мне почудилось, что хохлатый втюрился в мою благоверную и нахально, живя в моем доме, крутит с ней шашни. И интимные чувства между мной и женой стали постепенно пригасать. Но беда была не в этом. Беда была величиной с петуха, и худые мысли сверлили мне мозг.

Молчаливое соперничество с чуждым элементом (иного слова не нахожу) продолжилось несколько дней. До этой беспощадной тяжбы мы косились друг на друга со стороны. Среди кур он выглядел очень внушительным и самодовольным. Мог оседлать любую квочку. Признаюсь, эти эротические сценки возбуждали мои детородные атрибуты. Стоило Блондину подрулить к какой-либо клуше, так та сразу оседала. Я завидовал этому ловеласу. С другой стороны, этот куриный гарем был в моем подчинении. Но шахствовал в нем хохлатый падишах. Если мужчины и прекрасный пол усвоили бы язык петухов и кур, то жить было бы легко и краше.

Однажды произошло неожиданное. Когда я вошел во двор, Блондин кинулся на меня. Вроде, поджидал. Я растерялся от этой неожиданной агрессии. Отпрянул. Глаза Блондина пылали гневом. Он вновь ринулся на меня. Я отпихнул его ногой. Куда там! Не отстает. Я вынужден был подобрать палку, и огрел агрессора. Продемонстрировал ему владение палкой, как японские шаулины. Блондин был вынужден отступить, но, сохраняя лицо, начал гордо расхаживать среди кур. Те окружили его, будто ограждая от моего натиска, и раскудахтались. В этот момент мне представились мафиози, тешащиеся в джакузи с красотками. Я подумывал: не зарезать ли его. Теперь я был и не рад, что купил этого нахала. А жена не могла нахвалиться, нарадоваться:

– Соседки ко мне примазываются: хотят яичек петухом зачатых. А яйца сейчас – цены кусаются.

Мне было чихать на ее восторги.

Блондин, хоть и выполнял свое назначение, но посягал на мой авторитет в доме. Говорят же, двум петушиным головам в одном котле не вариться. Либо он должен был повиноваться мне, либо я должен был терпеть все его выходки.

Я пришел к мысли приручить, «замирить» его. Но попробуй его поймать. И он почуял, похоже, это, не подпускал. Сиганет в густые заросли кизила, спрячется; а иногда выбирается для исполнения своих петушиных обязанностей.

Однажды я его и настиг «при исполнении»... Пока он усердно занимался сексом с новой квочкой, я накинул на него рыбацкую сеть. Он попрыгал, пометался, замер. Я связал ножки неблагодарного соперника, запихнул в торбу и понес к петушатникам, устраивавшим бои.

– Теперь покажешь свою доблесть петушиную там, где надо.

Первым его соперником оказался петух с белым пятнышком на лбу – по кличке «Гашга». Блондин одним-двумя наскоками уложил его наземь и захорохорился. Глянул на меня, крылья раскинул и закукарекал. И заходил, как боксер в кураже по рингу.

Он уложил и второго соперника.

Третьим вышел тощий агдамский петух. Блондин при виде его громко закукарекал, накинулся, лапкой поддел, клювом долбанул. Агдамский петух держал удар, не дрогнул, будто и не беженский доходяга; на атаки Блондина реагировал насмешливо, а после, пользуясь длиной своей шеи, долбанул врага по темечку. Блондин от неожиданности опешил, глянул на меня. Я заорал: «Вперед!».

Блондин вновь ринулся в бой, но от полученных ударов зашатался. Уже и головка в крови... поплелся прочь, подался в густую траву. Поражение Блондина меня взъярило: показалось, что он уступил нарочно, чтобы осрамить меня прилюдно. Я ухватил его и вновь бросил на поле боя. Агдамский петух на сей раз явно хотел его доконать, все долбал и долбал по

башке. И тут почему-то мне стало жаль моего вояку, к тому же, заговорил инстинкт собственника, и я со зла пнул ногой агдамского задиру. Ибо у настоящего мужчины ни собака, ни даже петух не должен быть поверженным. Но тут хозяин петуха на меня захорохорился. Я – ноль внимания. Раскрыл торбу, и Блондин, не заставив себя упрашивать, юркнул в нее... Принес домой и выпустил во двор. Вышло так, что не агдамский петух, а я одержал победу над ним... Мне этого-то и хотелось. С того фиаско при виде меня Блондин убежал и прятался. Затаится за деревом и зыркает, когда же я уйду. А если и подойду, он старался держаться с достоинством, но оставлял себе пространство для драпа, при этом кружил вокруг своего куриного гарема. А мне потеха. «И это – мужик?» – усмеялся я и, подойдя, давал ему пинка. И, надо же, куры стали сторониться, избегать его, уже, вроде, и не считаются с ним. Блондин выглядел жалко и убого, как обанкротившийся миллионер...

Хозяйка:

Я, как увидела его, влюбилась. Он был похож... на средневековых рыцарей... Или на нынешних богатых и самодовольных мужчин. Соседки, чьи мужья подались на заработки в Россию, из-за забора любовались им. Когда Блондин настигал очередную подругу, соседки ахали-охали. И все просили яичка от той самой несущки. Он выглядел еще грациознее во время амурных утех. Я его кормила с руки, и он хорошел день ото дня. Вхожу во двор, он из-под гребешка посмотрит – сперва насторожено, потом – хитро, по-свойски, а после совершенно нахально уставится. А однажды я перехватила его наглый взгляд, устремленный мне в промежность. Стыдоба! Как если бы чужой мужик в бане глазел на меня голую... А еще как-то он вдруг возьми и клюнь меня в бедро. В этой выходке сквозило некое ревнивое чувство, он ревновал, видите ли, меня к квочкам, не подпускал их близко ко мне. По ночам иногда кукарекал. Мне чудилось: это он для меня. И голос какой-то музыкальный, вроде, не кукарекает, а поет. Но однажды муж принес его в

таком истерзанном виде, что у меня сердце заныло. Глаз подтек, гребешок разорван. Проиграл бой... и был похож на побитого рыцаря. Ни следа от победительного, денежного мужчины. Теперь он ни на что не годился. Соседки уже не выглядывали из-за забора, шушукались, судачили между собой. Блондин уронил нас в глазах окружающих. Я уж и видеть его не хотела. Взяла его и затолкала в курятник.

Посторонний:

Хозяин дома предупредил нас: остерегайтесь Блондина. Этот петух действительно оказался красавцем, и мне даже завидно стало. Я с детишками пожаловал к нему в гости. Только вошли во двор – как Блондин ринулся на нас и – прыг-дрыг на меня. Я его отпихнул. А он не отстает. Я выхватил прислоненную к стене палку и тюкнул петушка по башке – звон как по пустому котелку. Ну, отцепился, вроде, но опять – в атаку. Еще разок огрел я его – он плюхнулся, приподнялся и побежал, ковыляя. Стал и, как ни в чем не бывало кукарекнул. Но голос какой-то не петушиный.

– Жалко его, – вздохнул мой сынишка и оттащил меня за руку. Я пригрозил агрессору.

– Еще раз подойдешь к детям – пеняй на себя! Но вот сегодня я не мог поверить своим глазам. Дочурка моя взяла Блондина на руки, гладит, голубит, время от времени перышки отрывает и бросает, а Блондин доволен и не пикнет. После он ни к кому не приставал. При виде нас – шмыг-шмыг и за дерево, или затеряется в куриной компании.

В конце концов, мне стало жаль его.

– Отныне ты свободен, – говорю. Он распахнул крылья, захлопал ими, кукарекнул. То есть, это означало, что тебя никто в расчет не берет...

Петух:

Все начиналось хорошо.

Среди людей он выглядел весьма прилично. Такой пригожий, импозантный, аккуратный. Я гляжу, куда он двинется. Подошел ко мне и уставился. Я понял: вот тот, которого я искал, и отныне моя судьба связана с этим человеком. Признаться, я счел его мужчиной. Молчу, слушаю разговор моего прежнего хозяина с будущим. мне, знаете, очень понравился джентельменски жест «нового», – как он без колебаний достал пятидесятитысячную бумажку и протянул «старому». Мой старый хозяин такую купюру видел редко, только по праздникам. А так выручка – по вечерам считал «Низами», «Мамеды», то есть пол- или тысячные. Вообще-то он был туповат, день-деньской бился над кроссвордами, и ни один не мог решить до конца. Когда к вечеру он сердито запирал клетку, я понимал: и сегодня день не удался. Потому что для него разгадывание кроссвордов было поважнее торговли. А когда торговля не шла, он то и дело вымещал досаду на мне, лупцевал, будто я виноват в этом; я, видишь ли, не так стоял, не так позировал, а то бы клиенты валом валили... Я ему не какая-нибудь эстрадная дива, чтоб позировать вроде Мадонны, которую он слушал каждый день. А причину того, что торговля не шла, он должен был бы искать в том, что часами просиживал в нужнике и грезил черт знает о чем. Да он, вроде, ничего и не видел, кроме красивых форм Мадонны. А я, бедняга, терпи его подзатылки. Мечтал о будущей жизни, знал, что так не может продолжаться вечно, и все должно измениться. А что касается Мадонны, откуда я ее знал, – представьте я видел ее во сне. Может быть, когда-то я был человеком... или душа только что усопшего мужчины переселилась в меня, наверное, и тот мужчина когда-то был чьим-то хозяином и так же кого-то мутузил... Может, впоследствии мне-то и пришлось расплачиваться.

Все, оказывается, зависит не от меня, а от того, что на роду написано. Кому быть хозяином, а кому петухом...

Когда новый хозяин бросил меня во двор, у меня посветлело в глазах, тоска истаяла и я почувствовал прилив сил, и начал гулять-куражиться с клушками, что вокруг меня вертелись.

Но эта малина продолжалась недолго. Куры стали редеть. Меня зло брало, когда видел жирных гостей, приходивших к хозяину. Ведь цыплята, молодые петухи, которые, так сказать, из моих чресл произошли, в котлы шли, варили, пожирали их, я чувствовал запах варящихся, меня мутило, хотелось рвать, и эта тошнота исторгалась из горла криком, а люди думали: кукарекал. Жена хозяина не раз грозила зарезать меня, но, видно, пощадила, рука не поднялась.

Похоже, она даже неровно дышала на меня...

А кур все меньше и меньше. Напоследок остались одни одряхлевшие клуши – пенсионерки. С ними любовь крутить – не ахти какое удовольствие. А с молодыми несушками только начнешь работать – так их сразу в расход пускают. Потому я и бесился, кидался на живодеров двуногих. Терпеть не мог мужчин и гостей. Они, злыдни, пожирали моих питомцев, а после шли в конец двора и шумно опорожняли свои пуза. Я чувствовал, что когда-нибудь и сам пойду в расход, и боялся этого.

Будь вы хоть немного милосердны, вы бы поняли мои мучения.

Как это может быть, чтобы вы сидели у себя в теплых кабинетах, поглядывая на кругленькие попы своих секретарш, а дома командовали своим женами, а мне, видите ли, нормальную жизнь возбрали? Да, я был единственным мужиком куриного гарема, и теперь, когда сожрали моих жен, что было мне делать? Я уж не говорю о том, что моим прекрасным именем окрестили своих придурков-гомиков и ославили меня на весь свет... В парламенте, говорят, один избранник народный петушился, опять же, мое имя склоняют! При чем петух и причем парламент?

Настал тот ужасный день. Язык не поворачивается рассказать. Я не знал, куда деваться от позорища. Куда ни пойду – кажется, следят за мной.

Даже на белые бедра хозяйки не смог поднять глаз... А было время, мысленно... эх, да что говорить...

Я утратил петушиный пыл. Когда меня вели на петушиный бой, я колебался. Если заклюю соперника, хозяин мой присвоит себе победу. Видел, как он возликовал, когда я первого противника расчихвостил. Но он, вроде, и радуется не так, не от души, в глазах сквозит какая-то затаенная злоба.

Ну, а если буду побежден, то и хозяину стыд и срам. Опять худо. Он со зла меня прирежет, как пить дать. Стать пищей этим живоглотам? Не хотелось бы... Быть побитым – хуже нет, но я назло ему выбрал этот путь.

Короче, проиграл. Голос охрип, кровью хожу. Хозяин, похоже, хочет меня прирезать. Черт с ним! Но я им попорчу кровь! Отравлю удовольствие! Прежде чем гнить в их вонючих утробах и провалиться в ту яму...

Сейчас полночь. А я вот возьму и кукарекну! Не дам спать! Я покажу, что еще жив Петух, не умер!

Ку-ка-ре-ку-уу!

Хозяин:

Он околел...

Хозяйка:

Какой у него несчастный вид...

Посторонний:

Убрался к чертям!

Октябрь, 2004г.